

ЧРЕЛАШВИЛИ К. Т.

**К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗОМОРФИЗМУ БАСКСКОГО
И ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ (ГРУЗИНСКОГО, БАЦБИЙСКОГО,
КУБАЧИНСКОГО) ЯЗЫКОВ**

Задачи изучения взаимоотношений баскского и иберийско-кавказских языков ставят целую совокупность вопросов методического характера. Исследователям, работающим в области баскско-кавказской проблематики, предстоит, несомненно, огромный труд по проникновению в историю этих языков и установлению характера их связей. Хотя в некотором наиболее широком смысле «генетическая» (сравнительно-историческая) лингвистика, т. е. лингвистика устанавливающая родственные отношения между группами языков и дающая реконструкции их исходных моделей, составляет в принципе единую дисциплину со структурно-типологической лингвистикой универсалий [1], независимыми считаются по крайней мере генетические и типологические исследования. Если главной опорой в изучении языков в плане сравнительно-исторического языкознания является их общий материал со сходной семантикой, то для сравнительной типологии основой служит семантическое единство языковой данности, реализованное в определенных структурных моделях.

Мы разделяем точку зрения тех языковедов, которые на современном уровне изученности баскско-кавказской проблемы находят более перспективным обращение к ее сравнительно-типологическому рассмотрению. Напомним вместе с тем справедливое замечание Р. Якобсона, согласно которому «типологическое сравнение оказывает благотворную помощь сравнительно-историческим операциям» [2].

Как известно, типологическое сравнение должно быть системным, что предполагает сопоставление не отдельных изолированных друг от друга языковых единиц, а тех или иных микро- или макросистем. Это едва ли не общепризнанное требование лингвистической типологии. С другой стороны, в лингвистической типологии принято различать два возможных уровня анализа — эмический и этический. Практика показывает большую целесообразность сопоставления языков именно на эмическом уровне как на более общем. На этом уровне и сравниваются нами анализируемые ниже микросистемы. Сопоставляются, разумеется, не периферические явления языковой структуры, а существенные и типологически значимые признаки, характерные для систем рассматриваемых языков.

Г р у з и н с к и й я з ы к. Наиболее характерными и существенными грамматическими признаками грузинского языка выступают полиперсонализм глагола и эргативная конструкция предложения. В грузинском переходном глаголе морфологически одновременно отражается как субъект, так и объект (говоря образно, грузинский глагол является предложением в миниатюре). Субъект и объект, как известно, являются семантическими категориями. Установление формальной реализации этих семанти-

ческих понятий в структуре глагола остается одной из актуальных проблем современной лингвистики. Для передачи элементов морфологической структуры полиперсонального глагола мы употребляем следующие символы: S (субъект), O (объект), R (глагольный корень). С помощью данных символов структурную модель грузинского полиперсонального глагола можно представить в виде ORS. Например:

1) <i>m-xatav-s</i>	«он (она, оно) рисует меня»
2) <i>g-xatav-s</i>	«он (она, оно) рисует тебя»
3) <i>θ-xatav-s</i>	«он (она, оно) рисует его»
1) <i>m-čam-s</i>	«он (она, оно) кушает меня»
2) <i>g-čam-s</i>	«он (она, оно) кушает тебя»
3) <i>θ-čam-s</i>	«он (она, оно) кушает его, ее»
1) <i>m-xrdi-s</i>	«он (она, оно) воспитывает меня»
2) <i>g-xrdi-s</i>	«он (она, оно) воспитывает тебя»
3) <i>θ-xrdi-s</i>	«он (она, оно) воспитывает его, ее»

В приведенных глагольных словоформах префиксы везде соотносены с объектом, а суффиксы — с субъектом.

Бацбийский (тушинский) язык. Как известно, бацбийский язык выявляет лично-классный тип спряжения глагола. Это значит, что в морфологической структуре глагола здесь отражается как субъект, так и объект. Префиксом передается всегда прямое дополнение при переходном глаголе, а суффиксом — субъект. Для передачи субъекта и объекта применяются соответствующие морфемы категории грамматического класса и лица. Префикс, обозначающий прямое дополнение в морфологической структуре глагола, служит морфемой категории грамматического класса, представляющего собой действующую морфологическую категорию современного бацбийского языка. Категория лица — это новая морфологическая категория, формирующаяся буквально на наших глазах.

Таким образом, глаголы классного спряжения приобрели личные морфемы. Весьма существенным является то, что в связи с формированием категории лица в переходном глаголе морфологически отразился субъект, чего не было в постулируемой исходной системе классного спряжения данных глаголов. А этот факт, со своей стороны, вызвал более существенное структурное изменение в глаголе: исторически «монопersonальный» глагол превращается в «полиперсональный» (данное понятие требует определенных оговорок). Если в указанных глаголах классные показатели функционировали в препозиции, то новая грамматическая морфема — морфема категории лица — заняла место в постпозиции основ соответствующих глаголов [3].

Итак, в современном бацбийском языке в классных глаголах одновременно налицо две субъектно-объектные морфемы: одна в анлауте, а другая — в ауслауте. Обе они выражают синтаксическую связь глаголов с именами. Первая из них, как мы уже отметили, выражает прямой (ближайший) объект, а вторая — субъект. Ср.:

1) <i>d-aqo-s</i>	«его ем я»	1) <i>d-exko-s</i>	«его продаю я»
2) <i>d-aʒo-h₃</i>	«его ешь ты»	2) <i>d-exko-h₃</i>	«его продаешь ты»
3) <i>d-aʒo-θ</i>	«его ест он, она»	3) <i>d-exko-θ</i>	«его продает он, она»

В приведенных примерах преф. *d-* передает ближайший объект, а суффиксы *-s*, *-h₃*, *-θ* — субъект (генетически эти морфемы восходят к соответствующим личным местоимениям). Таким образом, распределение морфем, выражающих субъект и объект, относительно позиции основы переходного глагола передает здесь также модель ORS.

Кубачинский язык. Для кубачинского, как и для бацбийского языка, характерно лично-классное спряжение. Конкретно оно выражается в том, что префиксом глагола является один из формантов грамматического класса, который при переходном глаголе передает ближайший объект, а при непереходном глаголе служит формантом субъекта. Данная морфологическая особенность оказывается общей для тех кавказских языков, где в настоящее время функционирует морфологическая категория грамматического класса. Посредством суффиксации глагол присоединяет личный показатель, выражающий субъект (в кубачинском языке, подобно бацбийскому, личные показатели генетически восходят к соответствующим местоимениям).

С точки зрения теоретического языкознания в кубачинском языке наблюдается одно весьма примечательное грамматическое явление. В одноличных глаголах префиксом (формантом грамматического класса) выражен субъект. В связи с возникновением категории лица одноличные глаголы приобретают суффиксы — личные показатели, выражающие также субъект. В результате такого развития получается, что субъект одноличных глаголов имеет два форманта — префикс и суффикс, т. е. генетически эти разные морфологические элементы выступают в одном грамматическом значении (то же самое наблюдается и в бацбийском языке).

В кубачинском переходном глаголе морфологически отражаются как объект, так и субъект. Первый из них выражается префиксом, а второй (т. е. субъект) — суффиксом. Генетически префикс, как это имеет место и в бацбийском языке, является классным показателем, выражающим в переходном глаголе ближайший объект. Суффикс же по своему происхождению является местоименным элементом и неизменно передает субъект. Однако это общее правило нарушает глагольная словформа третьего лица, где в роли показателя субъекта выступает не местоименный элемент, как это имеет место в первом и втором лицах, а соответствующий экспонент грамматического класса. С точки зрения структурной типологии это обстоятельство не имеет существенного значения, так как здесь типологическое сравнение происходит на эмическом уровне, а на данном уровне морфологическая модель глагола в плане выражения субъекта и объекта не изменяется. Для нас самым существенным и здесь оказывается морфологическая структура глагола полиперсонального типа, которая схематически повторяет аналогичную модель соответствующих глаголов грузинского и бацбийского языков (ORS). Ср.:

1) <i>dudil id v-itul-da</i>	«я его бью»
2) <i>udil id v-itul-de</i>	«ты его бьешь»
3) <i>iddil id v-itulsa-v</i>	«он его бьет»
1) <i>dudil yače b-iqul-da</i>	«я дело делаю»
2) <i>udil yače b-iqul-de</i>	«ты дело делаешь»
3) <i>iddil yače b-iqulsa-v</i>	«он дело делает»

Как видно из приведенной парадигмы, лично-классная форма кубачинского глагола дает в настоящем конкретном времени морфологическую модель ORS. В других временных формах личные показатели субъекта являются лишь различными фонетическими вариантами приведенных, так что морфологическая модель при этом не меняется [4].

Баскский язык. Морфологическая структура баскского глагола, подобно структуре грузинского глагола, является весьма сложной и многообразной. Это в сущности обусловлено полиперсональностью баскского глагола. В баскском, как и в рассмотренных выше языках, нас ин-

тересует распределение субъектных и объектных морфем в переходном глагоде и их моделирование на эмическом уровне.

Как известно, по характеру спряжения баскские глаголы делятся на две группы: 1) синтетического спряжения и 2) перифрастического или аналитического спряжения. Число глаголов синтетического спряжения крайне незначительно. Абсолютное большинство глаголов относятся к перифрастическому спряжению.

Примеры глаголов синтетического спряжения:

1) <i>nik d-agi-t ura</i>	«я делаю то»
2) <i>hik d-agi-k/-n ura</i>	«ты делаешь то»
3) <i>harrek d-agi-θ ura</i>	«он делает то»
1) <i>nik d-akus-t ura</i>	«я вижу его»
2) <i>hik d-akus-k/-n ura</i>	«ты видишь его»
3) <i>harrek d-akus-θ ura</i>	«он видит его»

В приведенных примерах преф. глаголов *d-* выражает ближайший объект (3 лица), а суффиксы же *-t*, *-k/-n*, *-θ* — соответствующие субъектные лица (1, 2, 3). Морфологическая структура этих глаголов на эмическом уровне моделируется записью ORS. Как видим, указанная модель является аналогичной соответствующим моделям рассмотренных выше языков.

Примеры глаголов перифрастического (аналитического) спряжения:

1) <i>n/k josten d-u-t ura</i>	«я шью то»
2) <i>hik josten d-u-k/-n ura</i>	«ты шьешь то»
3) <i>harrek josten d-u-θ</i>	«он шьет то»
1) <i>nik jaten d-u-t ura</i>	«я ем то»
2) <i>hik jaten d-u-k/-n ura</i>	«ты ешь то»
3) <i>harek jaten d-u-θ</i>	«он ест то»

Особенности данного типа спряжения глаголов состоят в том, что личные аффиксы присоединяют к себе вспомогательные глаголы. Распределение этих личных аффиксов такое же, как в морфологической структуре самостоятельных глаголов, т. е. в глаголах, относящихся к типу синтетического спряжения. Поэтому и глаголы типа перифрастического спряжения по распределению личных морфем субъекта и объекта обнаруживают ту же модель, которая наблюдается в глаголах синтетического спряжения. Считаю целесообразным обратить внимание на следующее интересное явление: по нашим наблюдениям, тип перифрастического спряжения баскского глагола проявляет удивительное типологическое сходство с системой спряжения соответствующих глаголов нахско-дагестанских языков. Этот типологический параллелизм ждет своего исследователя.

Таким образом, в данной статье сопоставляются существенные структурные характеристики четырех языков (грузинского, баббийского, кубачинского и баскского) на морфологическом уровне. В качестве типологически показательных характеристик мы выбрали распределение морфем универсальных семантических категорий субъекта и объекта в морфологической структуре переходных глаголов. При помощи соответствующих символов мы обозначили модель, в которой на эмическом уровне отражена морфологическая структура полиперсонального глагола в плане распределения субъекта и объекта. Такая модель весьма ярко продемонстрировала существенный типологический признак, общий для рассматриваемых языков. Выяснилось, что установленная нами типологическая модель по своему грамматическому содержанию является о д и н а к о в о й д л я

в всех четырех рассмотренных языков¹. Это наводит на мысль об историческом соотношении рассмотренных моделей.

Нельзя, однако, не учитывать того, что отмеченная здесь морфологическая специфика глагола сопоставленных языков есть следствие позднейшего развития первоначально более отличных друг от друга структур. Достаточно напомнить, что исторически грузинский глагол, как и вообще картвельский, должен был быть одноличным (единственный имеющийся в нем суффиксальный показатель субъекта явно позднего происхождения), в то время как бацбийский, равно как и кубачинский, глагол был в прошлом одноклассным (с префиксальным показателем класса субъекта или объекта). Поскольку история баскского глагола нам по существу неизвестна, то его приходится принимать таким, как он функционирует в настоящее время, т. е. с префиксальным и суффиксальным оформлением лиц субъекта и объекта (хотя, естественно, возникает вопрос, не был ли путь развития его морфологической структуры подобным пути, по которому развивался грузинский или бацбийский глагол; ср. [5]). Ясно, что рассмотренная в этой статье синхронная параллель пока мало что дает для осмысления исторических взаимоотношений сопоставленных языков. Более того, если бы мы избрали для сравнения несколько иной состав языков — например, чеченский, лезгинский и баскский, то и в синхронном состоянии их глагола мы не увидели бы заметного сходства: наличие типа логического изоморфизма даже в некотором существенном для их структуры отношении еще ничего не говорит об историческом взаимоотношении сопоставленных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. С. IXXXI.
2. Якобсон Р. О. Вместо предисловия // Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I. Тбилиси, 1984. С. XIV.
3. Чрелашвили К. Т. Хронологические типы спряжения глаголов бацбийского языка и вопрос «полиперсонализма» в плане структурно-типологического сопоставления с грузинским полиперсональным глаголом // ЕИКЯ. 1984. Т. IX.
4. Магометов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 274—277.
5. Браун Ян. Введение в баскологию. Тбилиси, 1984. С. 75 (на груз. яз.).

¹ Пользуемся случаем выразить благодарность Ю. В. Зыцарю, консультировавшему нас по баскскому языку.